

НАРРАТИВНАЯ СТРУКТУРА ПЬЕС Е. ГРИШКОВЦА

А. Л. Бельский

Жанровая модель пьес Е. Гришковца («Как я съел собаку», «Город», «Планета», «Одновременно», «Дредноуты») представляет монодраму, отличающуюся сложной коммуникативной структурой, состоящей из авторской и нарраторской коммуникаций. К этим двум уровням коммуникативной модели добавляется факультативный третий, т.к. главный персонаж, в свою очередь, выступает как повествующая инстанция. В монодраме можно выделить следующие повествовательные инстанции: конкретный автор – реальная, историческая личность, создатель произведения. К самому произведению он не принадлежит, а существует независимо от него. В нашем случае – это Евгений Валерьянович Гришковец. Конкретный читатель – это бесконечное множество всех реальных людей, которые в любом месте и в любое время стали или становятся реципиентами его пьес.

Абстрактного автора монодрам следует определять в двух аспектах – во-первых, в аспекте произведения, во-вторых, в аспекте внетекстового, конкретного автора. В первом случае абстрактный автор является своеобразным «актерским» ликом писателя, олицетворением конструктивного принципа произведения, его семантическим центром, идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого. Он не идентичен с нарратором, но представляет собой принцип вымышленного нарратора и всего изображаемого мира. У него нет своего голоса, своего текста. Его слово – это весь текст во всех его планах, все произведение в своей сделанности. Во втором случае он предстает как «след» конкретного автора в произведении. Абстрактный читатель – это ипостась представления конкретного автора о своем читателе, т.е. постулируемый адресат, к которому обращена пьеса, языковые коды, идеологические нормы и эстетические представления которого учитываются для того, чтобы произведение было понято читателем / зрителем.

Фиктивный читатель – это адресат фиктивного нарратора, а нарратор – адресант фиктивной коммуникации. В монодраме Е.Гришковца он выражен эксплицитно, основываясь на самопрезентации, и имплицитно, с помощью симптомов (или индициальных знаков) монодраматического текста: а) подбора элементов (персонажей, ситуаций, действий, речи и мысли персонажей) из «событий» текста; б) конкретизации, детализации подбираемых элементов; в) композиции повествовательного текста; г) языковой (лексической и синтаксической) презентации подбираемых элементов; д) оценки подбираемых элементов; е) размышлений, коммен-

тарий и обобщений. В разных пьесах Е. Гришковца релевантность этих приемов не одинакова.

В центре внимания нарратологии находится типология нарратора и его точки зрения. Существует множество вариантов типологий. Нами, как наиболее удобный, был принят вариант В. Шмидта [2].

Главным в определении типов нарратора является противопоставление диегетического и недиегетического нарратора. Эта дихотомия характеризует присутствие нарратора в двух планах изображаемого мира – в плане повествуемой истории, или диегесиса, и в плане повествования, или экзегесиса. В пьесе Е.Гришковца «Как я съел собаку» представлен диегетический нарратор, который распадается на две функционально различаемые инстанции – повествующее «я» и повествуемое «я». В целом, в монодрамах драматурга представлен эксплицитно-имплицитный, диегетический, сильно выраженный, личный, антропоморфный, рассеянный, субъективный, всеведающий, вездесущий, внутринаходимый тип нарратора [1]. В его монодрамах присутствует особый тип наррации, который В. Шмидт называет диалогизированным нарративным монологом. По трем признакам, соединенным в этом названии, можно определить данный тип следующим образом:

1. Диалогизированность: Нарратор обращается к слушателю, которого он воображает активно реагирующим. Повествование разворачивается в напряжении между противоположными смысловыми позициями нарратора и адресата, подчас приобретая форму открытого диалога.
2. Монолог: Диалогичность нарратором только инсценируется, она не переходит через границы его сознания. Здесь нет реального собеседника, который мог бы вмешаться непредвиденными репликами. Для настоящего, подлинного диалога воображаемому собеседнику, взятому из собственного «я», не хватает автономности, подлинной «другости». Поэтому этот квазидialog, по существу, остается монологом.
3. Нарративность: Этот диалогизированный монолог выполняет нарративные функции, преследуя цель нарративную, невзирая на все диалогические отклонения.

Центральная категория нарратологии – «точка зрения». Это понятие подразумевает «образуемый внешними и внутренними факторами узел условий, влияющих на восприятие и передачу событий» [1, с.122]. В международной нарратологии широкое распространение получили также термины «повествовательная перспектива» и «фокализация» (Ж.Женетт). В пьесах Е.Гришковца фокализация реализуется следующим образом: нарратор имеет две возможности передавать события, применяя свою собственную точку зрения – нарраториальную – или точку зрения одного или нескольких персонажей – персональную. Таким образом, получа-

ется простая бинарная оппозиция. Бинарность вытекает из того, что в изображаемом мире повествовательного произведения существуют две воспринимающие, оценивающие, говорящие и действующие инстанции, два смыслопорождающих центра – нарратор и персонаж.

Нарраториальная и персональная точки зрения встречаются как в не-диегетическом, так и в диегетическом повествовании. Например, в пьесах «Как я съел собаку» и «Одновременно» мы можем увидеть лишь тип диегетического нарратора, повествующего о своих приключениях с точки зрения повествуемого «я». Главный герой, описывая свою жизнь, сообщает только то, что ему как повествуемому «я» было известно в соответствующий момент, и оценивает происшествия и людей по меркам своего прежнего «я». Его цель – «восстановить впечатление». Однако персональная точка зрения всегда подразумевает и присутствие нарраториального элемента, поскольку нарратор остается передающей инстанцией. Если нарратор расставляет свои собственные акценты, соответствующие точке зрения персонажа, то эти высказывания становятся «двуголосыми». Противопоставление этих точек зрения в различаемых нами пяти планах проявляется по-разному.

В плане перцепции изображаемый мир в монодрамах Е.Гришковца воспринимается глазами главного героя, поэтому речь здесь идет о персональной перцептивной точке зрения. Однако перцептивная точка зрения может переходить в нарраториальную, что часто заметно в выборе тематических единиц повествования. Многие эпизоды в пьесах способствуют «сбивчивости» повествования нарратора и персонажа, т.е. чем меньше персональность перцепции сопровождается персональным языком и оценками, тем более неуловимой она оказывается, тем сложнее провести грань между нарратором и персонажем.

Текст монодрамы в плане идеологии (или оценки) может отражать смысловые позиции либо персонажа, либо нарратора. Их оценка способна пересекаться, совпадать или даваться отдельно, в зависимости от конкретного временного пласта повествования и совпадения или несовпадения смысловых позиций.

Пространственный пласт пьес Е. Гришковца можно разделить на реальный и виртуальный, которые, свою очередь, образуют такие оппозиции, как «замкнутое – разомкнутое». «Разомкнутое» пространство (география путешествий и поездок) сочетается с городским «замкнутым» (родной город), внутренне локальным, отражающим микромир героя. Следует отметить и «точечные» локусы (поезд, корабль, Русский остров), образующие «круговое» пространство жизни героя. «Такой принцип построения пространства отражает единство макро- и микромира, а перемещение из одного места в другое создает движущуюся панораму «частной жизни» героя как составной части общественной» [2, с.252].

Персональная точка зрения в этом плане характеризуется прикреплением повествования к определенной пространственной позиции, занимаемой главным героем. Соотнесенность с позицией героя проявляется в дейктических наречиях места, таких как «здесь», «там», «тут» и т.д. Пространственная позиция, которую занимает персонаж, существенно сужает его поле зрения и позволяет ему следить лишь за попадающими в это поле аспектами действия. Вот почему нарративная точка зрения может не совпадать с персональной.

Во временном плане персональная и нарративная точка зрения также пересекаются. Персональная точка зрения заключена в приуроченности повествования к определенному моменту действия или переживанию главного героя. Соотнесенность с временной позицией персонажа проявляется в дейктических наречиях времени, таких как «теперь», «сегодня», «здесь» и т.п., которые приобретают смысл только по отношению к определенной временной позиции. Для обозначения нарраториальной позиции здесь употребляются не дейктические, а анафорические наречия времени, т.е. такие обороты, как «в этот момент», «в этот день». Эта позиция представлена также возможностью нарратора свободно обращаться со временем. Он может передавать события как своим языком (нарраториальная точка зрения), так и языком одного из персонажей (персональная точка зрения). Например, в монодраме «Как я съел собаку» лексика, синтаксис и манера выражения нарратора и персонажа в языковом плане совпадают. Фактически герой является alter ego автора.

Таким образом, можно сделать вывод, что в пьесах Е. Гришковца мы имеем дело не с однополюсной и разнополюсной повествовательной перспективой, а с частичной нейтализацией оппозиций полюсов, что в большей или меньшей степени характерно для всех планов фокализации в нарративной структуре его монодрам.

Литература

1. В. Шмидт. Нарратология. – М., 1996.
2. Гончарова-Грабовская С.Я. Драматургия Е. Гришковца (проблема жанра) // Театр и драматургия. Тверь, 2007.

ДЫСКУСІЯ АБ МЕСЦЫ ЛЕКСІКІ ІНШАМОЎНАГА ПАХОДЖАННЯ Ё СІСТЭМЕ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ МОВЫ НА СТАРОНКАХ ПЕРЫЯДЫЧНАГА ДРУКУ 20 – 30-Х ГАДОЎ ХХ СТАГОДДЗЯ

С. Я. Богуш

У 20-я – пачатку 30-х гадоў ХХ стагоддзя выпрацоўвалася агульная канцэпцыя ўкладання слоўніка літаратурнай мовы. Пры гэтым сярод мовазнаўцаў разгарнулася палеміка аб шляхах фарміравання лексічных